

Контора. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Контора. Иван Сергеевич Тургенев

Дело было осенью. Уже несколько часов бродил я с ружьем по полям и, вероятно, прежде вечера не вернулся бы в постоянный двор на большой Курской дороге, где ожидала меня моя тройка, если б чрезвычайно мелкий и холодный дождь, который с самого утра, не хуже старой девки, неугомонно и безжалостно приставал ко мне, не заставил меня наконец искать где-нибудь поблизости хотя временного убежища. Пока я еще соображал, в какую сторону пойти, глазам моим внезапно представился низкий шалаш возле поля, засеянного горохом. Я подошел к шалашу, заглянул под соломенный намет и увидел старика до того дряхлого, что мне тотчас же вспомнился тот умирающий козел, которого Робинзон нашел в одной из пещер своего острова. Старик сидел на корточках, жмурил свои потемневшие маленькие глаза и торопливо, но осторожно, наподобие зайца (у бедняка не было ни одного зуба), жевал сухую и твердую горошину, беспрестанно перекатывая ее со стороны на сторону. Он до того погрузился в свое занятие, что не заметил моего прихода.

– Дедушка! а дедушка! – проговорил я.

Он перестал жевать, высоко поднял брови и с усилием открыл глаза.

– Чего? – прошамшил он сиплым голосом.

– Где тут деревня близко? – спросил я.

Старик опять пустился жевать. Он меня не расслушал. Я повторил свой вопрос громче прежнего.

– Деревня?.. да тебе что надо?

– А вот от дождя укрыться.

– Чего?

– От дождя укрыться.

– Да! (Он почесал свой загорелый затылок.) Ну, ты, тово, ступай, – заговорил он вдруг, беспорядочно размахивая руками, – во... вот, как мимо леска пойдешь, – вот как пойдешь – тут те и будет дорога; ты ее-то брось, дорогу-то, да все направо забирай, все забирай, все забирай, все забирай... Ну, там те и будет Ананьева. А то и в Ситовку пойдешь.

Я с трудом понимал старика. Усы ему мешали, да и язык плохо повиновался.

– Да ты откуда? – спросил я его.

– Чего?

– Откуда ты?

– Из Ананьева.

– Что ж ты тут делаешь?

– Чего?

– Что ты делаешь тут?

– А сторожем сижу.

– Да что ты стережешь?

– А горох.

Я не мог не рассмеяться.

- Да помилуй, сколько тебе лет?
- А Бог знает.
- Чай, ты плохо видишь?
- Чего?
- Видишь плохо, чай?
- Плохо. Бывает так, что ничего не слышу.
- Так где ж тебе сторожем-то быть, помилуй?
- А про то старшие знают.

«Старшие!» – подумал я и не без сожаления поглядел на бедного старика. Он ощупался, достал из-за пазухи кусок черствого хлеба и принялся сосать, как дитя, с усилием втягивая и без того впалые щеки.

Я пошел в направлении леска, повернул направо, забирал, все забирал, как мне советовал старик, и добрался наконец до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами, и обширным господским домом, тоже с колоннами. Еще издали, сквозь частую сетку дождя, заметил я избу с тесовой крышей и двумя трубами, повыше других, по всей вероятности, жилище старосты, куда я и направил шаги свои, в надежде найти у него самовар, чай, сахар и не совершенно кислые сливки. В сопровождении моей продрогшей собаки взшел я на крылечко, в сени, отворил дверь, но, вместо обыкновенных принадлежностей избы, увидел несколько столов, заваленных бумагами, два красных шкафа, забрызганные чернильницы, оловянные песочницы в пуд весу, длиннейшие перья и прочее. На одном из столов сидел малый лет двадцати с пухлым и болезненным лицом, крошечными глазками, жирным лбом и бесконечными висками. Одет он был как следует, в серый нанковый кафтан с глянцем на воротнике и на желудке.

- Чего вам надобно? – спросил он меня, дернув кверху головою, как лошадь, которая не ожидала, что ее возьмут за морду.
- Здесь приказчик живет... или...
- Здесь главная господская контора, – перебил он меня. – Я вот дежурным сижусь... Разве вы вывеску не видали? На то вывеска прибита.
- А где бы тут обсушиться? Самовар у кого-нибудь на деревне есть?
- Как не быть самоваров, – с важностью возразил малый в сером кафтане, – ступайте к отцу Тимофею, а не то в дворовую избу, а не то к Назару Тарасычу, а не то к Аграфене-птишнице.
- С кем ты это говоришь, болван ты этакой? спать не даешь, болван! – раздался голос из соседней комнаты.
- А вот господин какой-то зашел, спрашивает, где бы обсушиться.
- Какой там господин?
- А не знаю. С собакой и ружьем.

В соседней комнате заскрипела кровать. Дверь отворилась, и вошел человек лет пятидесяти, толстый, низкого роста, с бычачьей шеей, глазами навывкате, необыкновенно круглыми щеками и с лоском по всему лицу.

- Чего вам угодно? – спросил он меня.
- Обсушиться.
- Здесь не место.
- Я не знал, что здесь контора; а впрочем, я готов заплатить.

– Оно, пожалуй, можно и здесь, – возразил толстяк, – вот, не угодно ли сюда. (Он повел меня в другую комнату, только не в ту, из которой вышел.) Хорошо ли здесь вам будет?

– Хорошо... А нельзя ли чаю со сливками?

– Извольте, сейчас. Вы пока извольте раздеться и отдохнуть, а чай сею минутою будет готов.

– А чье это имя?

– Госпожи Лосняковой, Елены Николаевны.

Он вышел. Я оглянулся. Вдоль перегородки, отделявшей мою комнату от конторы, стоял огромный кожаный диван; два стула, тоже кожаных, с высочайшими спинками, торчали по обеим сторонам единственного окна, выходящего на улицу. На стенах, оклеенных зелеными обоями с розовыми разводами, висели три огромные картины, писанные масляными красками. На одной изображена была легавая собака с голубым ошейником и надписью: «Вот моя отрада»; у ног собаки текла река, а на противоположном берегу реки под сосною сидел заяц непомерной величины, с приподнятым ухом. На другой картине два старика ели арбуз; из-за арбуза виднелся в отдалении греческий портик с надписью: «Храм Удовлетворенья». На третьей картине представлена была полунагая женщина в лежачем положении en rassoirci [1], с красными коленями и очень толстыми пятками. Собака моя, нимало не медля, с сверхъестественными усилиями залезла под диван и, по-видимому, нашла там много пыли, потому что расчихалась страшно. Я подошел к окну. Через улицу от господского дона до конторы, в косвенном направлении, лежали доски: предосторожность весьма полезная, потому что кругом, благодаря нашей черноземной почве и продолжительному дождю, грязь была страшная. Около господской усадьбы, стоявшей к улице задом, происходило, что обыкновенно происходит около господских усадеб: девки в полинялых ситцевых платьях шныряли взад и вперед; дворовые люди брели по грязи, останавливались и задумчиво чесали свои спины; привязанная лошадь десятского лениво махала хвостом и, высоко задравши морду, глодала забор; курицы кудахтали; чахоточные индейки беспрестанно перекликивались. На крылечке темного и гнилого строения, вероятно бани, сидел дюжий парень с гитарой и не без удали напевал известный романс:

Э – я фа пасатыню удаляюсь
Ата прекарасаных седешенеха мест...
и проч.

Толстяк вошел ко мне в комнату.

– Вот вам чай несут, – сказал он мне с приятной улыбкой.

Малый в сером кафтане, конторский дежурный, расположил на старом ломберном столе самовар, чайник, стакан с разбитым блюдечком, горшок сливок и связку болховских котелок, твердых, как кремь. Толстяк вышел.

– Что это, – спросил я дежурного, – приказчик?

– Никак нет-с: был главным кассиром-с, а теперь в главные конторщики произведен.

– Да разве у вас нет приказчиков?

– Никак нет-с. Есть бурмистер, Михаила Викулов, а приказчика нету.

– Так управляющий есть?

– Как же, есть: немец, Линдамандол, Карло Карлыч – только он не распоряжается.

– Кто ж у вас распоряжается?

– Сама барыня.

– Вот как!.. Что ж, у вас в конторе много народу сидит?

Контора. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Малый задумался.

– Шесть человек сидит.

– Кто да кто? – спросил я.

– А вот кто: сначала будет Василий Николаевич, главный кассир; а то Петр конторщик, Петров брат Иван конторщик, другой Иван конторщик; Коскенкин Наркизов, тоже конторщик, я вот, – да всех и не перечтешь.

– Чай, у вашей барыни дворни много?

– Нет, не то чтобы много..

– Однако сколько?

– Человек, пожалуй что, полтора ста набежит.

Мы оба помолчали.

– Ну что ж, ты хорошо пишешь? – начал я опять.

Малый улыбнулся во весь рот, кивнул головой, сходил в контору и принес исписанный листок.

– Вот мое писанье, – промолвил он, не переставая улыбаться.

Я посмотрел; на четвертушке сероватой бумаги красивым и крупным почерком был написан следующий

ПРИКАЗ

ОТ ГЛАВНОЙ ГОСПОДСКОЙ ДОМОВОЙ АНАНЬЕВСКОЙ КОНТОРЫ

БУРМИСТРУ МИХАЙЛЕ ВИКУЛОВУ, № 209.

«Приказывается тебе немедленно по получении сего разыскать: кто в прошлую ночь, в пьяном виде и с неприличными песнями, прошел по Аглицкому саду и гувернантку мадам Энжени француженку разбудил и обеспокоил? и чего сторожа глядели, и кто сторожем в саду сидел и таковые беспорядки допустил? О всем вышепрописанном приказывается тебе в подробности разведать и немедленно конторе донести.

Главный конторщик Николай Хвостов».

К приказу была приложена огромная гербовая печать с надписью: «Печать главной господской ананьевской конторы», а внизу стояла приписка: «В точности исполнить. Елена Лоснякова».

– Это сама барыня приписала, что ли? – спросил я.

– Как же-с, сами: оне всегда сами. А то и приказ девствовать не может.

– Ну, что ж, вы бурмистру пошлете тот приказ?

– Нет-с. Сам придет да прочтает. То есть ему прочтут; он ведь грамоте у нас не знает. (Дежурный опять помолчал.) А что-с, – прибавил он, ухмыляясь, – ведь хорошо написано-с?

– Хорошо.

– Сочинял-то, признаться, не я. На то Коскенкин мастер.

– Как?.. Разве у вас приказы сперва сочиняются?

– А то как же-с? Не прямо же набело писать.

– А сколько ты жалованья получаешь? – спросил я.

Контора. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– Тридцать пять рублей и пять рублей на сапоги.

– И ты доволен?

– Известно, доволен. В контору-то у нас не всякий попадает. Мне-то, признаться, сам БОГ велел: у меня дядюшка дворецким служит.

– И хорошо тебе?

– Хорошо-с. Правду сказать, – продолжал он со вздохом, – у купцов, например, то есть, нашему брату лучше. У купцов нашему брату очень хорошо. Вот к нам вечер приехал купец из Венева, – так мне его работник сказывал... Хорошо, неча сказать, хорошо.

– А что, разве купцы жалованья больше назначают?

– Сохрани БОГ! Да он тебя в шею прогонит, коли ты у него жалованья запросишь. Нет, ты у купца живи на веру да на страх. Он тебя и кормит, и поит, и одевает, и все. Угодишь ему – еще больше даст... Что твое жалованье! не надо его совсем... И живет-то купец по простоте, по-русскому, по-нашенскому: поедешь с ним в дорогу, – он пьет чай, и ты пей чай; что он кушает, то и ты кушай. Купец... как можно: купец не то, что барин. Купец не блажит; ну, осерчает – побьет, да и дело с концом. Не можит, не шпыняет... А с барином беда! Все не по нем: и то нехорошо, и тем не угодил. Подашь ему стакан с водой или кушанье: «Ах, вода воняет! ах, кушанье воняет!» Вынесешь, за дверью постоишь да принесешь опять: «Ну вот, теперь хорошо, ну вот, теперь не воняет». А уж барыни, скажу вам, а уж барыни что!.. или вот еще барышни!..

– Федюшка! – раздался голос толстяка в конторе.

Дежурный проворно вышел. Я допил стакан чаю, лег на диван и заснул. Я спал часа два.

Проснувшись, я хотел было подняться, да лень одолела; я закрыл глаза, но не заснул опять. За перегородкой в конторе тихонько разговаривали. Я невольно стал прислушиваться.

– Тэк-с, тэк-с, Николай Еремеич, – говорил один голос, – тэк-с. Этого нельзя в расчет не принять-с; нельзя-с, точно... Гм! (Говорящий кашлянул.)

– Уж поверьте мне, Гаврила Антоныч, – возразил голос толстяка, – уж мне ли не знать здешних порядков, сами посудите.

– Кому же и знать, Николай Еремеич: вы здесь, можно сказать, первое лицо-с. Ну, так как же-с? – продолжал незнакомый мне голос. – Чем же мы порешим, Николай Еремеич? Позвольте полюбопытствовать.

– Да чем порешим, Гаврила Антоныч? От вас, так сказать, дело зависит: вы, кажется, не охотствуете.

– Помилуйте, Николай Еремеич, что вы-с? Наше дело торговое, купецкое; наше дело купить. Мы на том стоим, Николай Еремеич, можно сказать.

– Восем рублей, – проговорило расстановкою толстяк.

Послышался вздох.

– Николай Еремеич, больно много просить изволите.

– Нельзя, Гаврила Антоныч, иначе поступить; как перед Господом Богом говорю, нельзя.

Наступило молчание.

Я тихонько приподнялся и посмотрел сквозь трещину в перегородке. Толстяк сидел ко мне спиной. К нему лицом сидел купец, лет сорока, сухощавый и бледный, словно вымазанный постным маслом. Он беспрестанно шевелил у себя в бороде и очень проворно моргал глазами и губами подергивал.

– Удивительные, можно сказать, зеленыя в нынешнем году-с, – заговорил он опять, – я все ехал да любовался. От самого Воронежа удивительные пошли, первый сорт-с, можно сказать.

– Точно, зеленыя недурны, – отвечал главный конторщик, – да ведь вы знаете, Гаврила Антоныч, осень всключет, а как весна захочет.

– Действительно так, Николай Еремеич: все в Божьей воле; совершенную истину изволили сказать... А никак ваш гость-то проснулся-с.

Толстяк обернулся... прислушался...

– Нет, спит. А впрочем, можно, того...

Он подошел к двери.

– Нет, спит, – повторил он и вернулся на место.

– Ну, так как же, Николай Еремеич? – начал опять купец. – Надо дельце-то покончить... Так уж и быть, Николай Еремеич, так уж и быть, – продолжал он, непрерывно моргая, – две сереньких и беленькую вашей милости, а там (он кивнул головой на барский двор) шесть с полтиною. По рукам, что ли?

– Четыре сереньких, – отвечал приказчик.

– Ну, три!

– Четыре сереньких без беленькой.

– Три, Николай Еремеич.

– С половиной три и уж ни копейки меньше.

– Три, Николай Еремеич.

– И не говорите, Гаврила Антоныч.

– Экой несговорчивый какой, – пробормотал купец. – Этак я лучше сам с барыней покончу.

– Как хотите, – отвечал толстяк, – давно бы так. Что, в самом деле, вам беспокоиться?... И гораздо лучше!

– Ну, полно, полно, Николай Еремеич. Уж сейчас и рассердился! Я ведь эфто так сказал.

– Нет, что ж в самом деле...

– Полно же, говорят... Говорят, пошутил. Ну, возьми свои три с половиной, что с тобой будешь делать.

– Четыре бы взять следовало, да я, дурак, поторопился, – проворчал толстяк.

– Так там, в доме-то, шесть с половиною-с, Николай Еремеич, – за шесть с половиной хлеб отдается?

– Шесть с половиной, уж сказано.

– Ну, так по рукам, Николай Еремеич (купец ударил своими растопыренными пальцами по ладони конторщика). И с Богом! (Купец встал.) Так я, батюшка Николай Еремеич, теперь пойду к барыне-с и об себе доложить велю-с, и так уж я и скажу: Николай Еремеич, дескать, за шесть с полтиною-с порешили-с.

– Так и скажите, Гаврила Антоныч.

– А теперь извольте получить.

Контора. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Купец вручил приказчику небольшую пачку бумаги, поклонился, тряхнул головой, взял свою шляпу двумя пальчиками, передернул плечами, придал своему стану волнообразное движение и вышел, прилично поскрипывая сапожками. Николай Еремеич подошел к стене и, сколько я мог заметить, начал разбирать бумаги, врученные купцом. Из двери высунулась рыжая голова с густыми бакенбардами.

– Ну, что? – спросила голова, – все как следует?

– Все как следует.

– Сколько?

Толстяк с досадой махнул рукой и указал на мою комнату.

– А, хорошо! – возразила голова и скрылась.

Толстяк подошел к столу, сел, раскрыл книгу, достал счета и начал откидывать и прикидывать костяшки, действуя не указательным, но третьим пальцем правой руки: оно приличнее.

Вошел дежурный.

– Что тебе?

– Сидор приехал из Голоплек.

– А! ну, позови его. Пстой, пстой... Поди сперва посмотри, что тот, чужой-то барин, спит все или проснулся.

Дежурный осторожно вошел ко мне, в комнату. Я положил голову на ягдташ, заменявший мне подушку, и закрыл глаза.

– Спит, – прошептал дежурный, вернувшись в контору.

Толстяк проворчал сквозь зубы.

– Ну, позови Сидора, – промолвил он наконец.

Я снова приподнялся. Вошел мужик огромного роста, лет тридцати, здоровый, краснощекий, с русыми волосами в небольшой курчавой бороде. Он помолился на образ, поклонился главному конторщику, взял свою шляпу в обе руки и выпрямился.

– Здравствуй, Сидор, – проговорил толстяк, постукивая счетами.

– Здравствуй, Николай Еремеич.

– Ну что, какова дорога?

– Хороша, Николай Еремеич. Грязновата маленько. (Мужик говорил нескоро и негромко.)

– Жена здорова?

– Что ей деется!

Мужик вздохнул и ногу выставил. Николай Еремеич заложил перо за ухо и высморкнулся.

– Что ж, зачем приехал? – продолжал он спрашивать, укладывая клетчатый платок в карман.

– Да слышь, Николай Еремеич, с нас плотников требуют.

– Ну что ж, нет их у вас, что ли?

– Как им не быть у нас, Николай Еремеич: дача лесная – известно. Да пора-то рабочая, Николай Еремеич.

Контора. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– Рабочая пора! То-то, вы охотники на чужих работать, а на свою госпожу работать не любите... Все едино!

– Работа-то все едино, точно, Николай Еремеич... да что...

– Ну?

– Плата больно... того...

– Мало чего нет! Вишь, как вы избаловались. Поди ты!

– Да и то сказать, Николай Еремеич, работы-то всего на неделю будет, а продержат месяц. То материалу не хватит, а то и в сад пошлют дорожки чистить.

– Мало ли чего нет! Сама барыня приказать изволила, так тут нам с тобой рассуждать нечего.

Сидор замолчал и начал переступать с ноги на ногу.

Николай Еремеич скрутил голову набок и усердно застучал костяшками.

– Наши... мужики... Николай Еремеич... – заговорил наконец Сидор, запинаясь на каждом слове, – приказали вашей милости... вот тут... будет... (Он запустил свою ручищу за пазуху армяка и начал вытаскивать оттуда свернутое полотенце с красными разводами.)

– Что ты, что ты, дурак, с ума сошел, что ли? – поспешно перебил его толстяк. – Ступай, ступай ко мне в избу, – продолжал он, почти выталкивая изумленного мужика, – там спроси жену... она тебе чаю даст, я сейчас приду, ступай. Да небось говорят, ступай.

Сидор вышел вон.

– Экой... медведь! – пробормотал ему вслед главный конторщик, покачал головой и снова принялся за счета.

Вдруг крики: «Купря! Купря! Купрю не сшибешь!» – раздались на улице и на крыльце, и немного спустя вошел в контору человек низенького роста, чахоточный на вид, с необыкновенно длинным носом, большими неподвижными глазами и весьма горделивой осанкой. Одет он был в старенький, изорванный сюртук цвета аделаида, или, как у нас говорится, оделлоида, с плисовым воротником и крошечными пуговками. Он нес связку дров за плечами. Около него толпилось человек пять дворовых людей, и все кричали: «Купря! Купрю не сшибешь! В истопники Купрю произвели, в истопники!» Но человек в сюртуке с плисовым воротником не обращал ни малейшего внимания на буйство своих товарищей и нисколько не изменялся в лице. Мерными шагами дошел он до печки, сбросил свою ношу, приподнялся, достал из заднего кармана табакерку, вытаращил глаза и начал набивать себе в нос тертый донник, смешанный с золой.

При входе шумливой ватаги толстяк нахмурил было брови и поднялся с места; но, увидав в чем дело, улыбнулся и только велел не кричать: в соседней, дескать, комнате охотник спит.

– Какой охотник? – спросили человека два в один голос.

– Помещик.

– А!

– Пускай шумят, – заговорил, растопыря руки, человек с плисовым воротником, – мне что за дело! Лишь бы меня не трогали. В истопники меня произвели...

– В истопники! в истопники! – радостно подхватила толпа.

– Барыня приказала, – продолжал он, пожав плечами, – а вы погодите... вас еще в свинопасы произведут. А что я портной и хороший портной, у первых мастеров в Москве обучался и на енаралов шил... этого у меня никто не отнимет. А вы чего храбритесь?... чего? Из господской власти вышли, что ли? Вы дармоеды, тунеядцы,

Контора. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
больше ничего. Меня отпусти на волю – я с голоду не умру, я не пропаду; дай мне паспорт – я оброк хороший внесу в господ удоблетворю. А вы что? Пропадете, пропадете, словно мухи, вот и все!

– Вот и соврал, – перебил его парень, рябой и белобрысый с красным галстухом и разорванными локтями, – ты и по паспорту ходил, да от тебя копейки оброку господу не видали, и себе гроша не заработал: насилу ноги домой приволок, да с тех пор все в одном кафтанишке живешь.

– А что будешь делать, Константин Наркизыч! – возразил Куприян, – влюбился человек – и пропал, и погиб человек. Ты сперва с мое поживи, Константин Наркизыч, а тогда уже и осуждай меня.

– И в кого нашел влюбиться! в уroda сущего!

– Нет, этого ты не говори, Константин Наркизыч.

– Да кого ты уверяешь? Ведь я ее видел; в прошлом году, в Москве, своими глазами видел.

– В прошлом году она действительно попортилась маленько, – заметил Куприян.

– Нет, господа, что, – заговорил презрительным и небрежным голосом человек высокого роста, худощавый, с лицом, усеянным прыщами, завитый и намащенный, должно быть, камердинер, – вот пускай нам Куприян Афанасьич свою песенку споет. Нут-ка, начните, Куприян Афанасьич!

– Да, да! – подхватили другие. – Ай да Александра! подкузьмила Купрю, неча сказать... Пой, Купря!.. Молодца, Александра! (Дворовые люди часто, для большей нежности, говоря о мужчине, употребляют женские окончания.) Пой!

– Здесь не место петь, – с твердостью возразил Куприян, – здесь господская контора.

– Да тебе-то что за дело? Чай, в конторщики сам метишь! – с грубым смехом отвечал Константин. – Должно быть!

– Все в господской власти состоит, – заметил бедняк.

– Вишь, вишь, куда метит, вишь, каков? у! у! а!

И все расхохотались, иные запрыгали. Громче всех заливался один мальчишка лет пятнадцати, вероятно, сын аристократа между дворней: он носил жилет с бронзовыми пуговицами, галстух лилового цвета и брюшко уже успел отрастить.

– А послушай-ка, признайся, Купря, – самодовольно заговорил Николай Еремеич, видимо распотешенный и разнеженный, – ведь плохо в истопниках-то? Пустое, чай, дело вовсе?

– Да что, Николай Еремеич, – заговорил Куприян, – вот вы теперь главным у нас конторщиком, точно; спору в том, точно, нету; а ведь и вы под опалой находились и в мужицкой избе тоже пожили.

– Ты смотри у меня, однако, не забывайся, – с запальчивостью перебил его толстяк, – с тобой, дураком, шутят; тебе бы, дураку, чувствовать следовало и благодарить, что с тобой, дураком, занимаются.

– К слову пришлось, Николай Еремеич, извините...

– То-то же к слову.

Дверь растворилась, и вбежал казачок.

– Николай Еремеич, барыня вас к себе требует.

– Кто у барыни? – спросил он казачка.

– Аксинья Никитишна и купец из Венева.

– Сею минутою явлюся. А вы, братцы, – продолжал он убедительным голосом, – ступайте-ка лучше отсюда вон с новопожалованным истопником-то: неравно немец забежит, как раз нажалуется.

Толстяк поправил у себя на голове волосы, кашлянул в руку, почти совершенно закрытую рукавом сюртука, застегнулся и отправился к барыне, широко расставляя на ходу ноги. Погодя немного и вся ватага поплелась за ним вместе с Купрей. Остался один мой старый знакомый, дежурный. Он принялся было чинить перья, да сидя и заснул. Несколько мух тотчас воспользовались счастливым случаем и облепили ему рот. Комар сел ему на лоб, правильно расставил свои ножки и медленно погрузил в его мягкое тело все свое жало. Прежняя рыжая голова с бакенбардами снова показалась из-за двери, поглядела, поглядела и вошла в контору вместе с своим довольно некрасивым туловищем.

– Федюшка! а Федюшка! вечно спишь! – проговорила голова.

Дежурный открыл глаза и встал со стула.

– Николай Еремеич к барыне пошел?

– К барыне пошел, Василий Николаич.

«А! а! – подумал я, – вот он – главный кассир».

Главный кассир начал ходить по комнате. Впрочем, он более крался, чем ходил, и таки вообще смахивал на кошку. На плечах его болтался старый черный фрак, с очень узкими фалдами; одну руку он держал на груди, а другой беспрестанно брался за свой высокий и тесный галстух из конского волоса и с напряжением вертел головой. Сапоги носил он козловые, без скрипу, и выступал очень мягко.

– Сегодня Ягушкин помещик вас спрашивал, – прибавил дежурный.

– Гм, спрашивал? Что ж он такое говорил?

– Говорил, что, дескать, к Тютюреву вечером заедет и вас будет ждать. Нужно, дескать, мне с Васильем Николаичем об одном деле переговорить, а о каком деле – не сказывал; уж Василий Николаич, говорит, знает.

– Гм! – возразил главный кассир и подошел к окну.

– Что, Николай Еремеев в конторе? – раздался в сенях громкий голос, и человек высокого роста, видимо рассерженный, с лицом неправильным, но выразительным и смелым, довольно опрятно одетый, шагнул через порог.

– Нет его здесь? – спросил он, быстро глянув кругом.

– Николай Еремеич у барыни, – отвечал кассир. – Что вам надобно, скажите мне, Павел Андреич: вы мне можете сказать... Вы чего хотите?

– Чего я хочу? Вы хотите знать, чего я хочу? (Кассир болезненно кивнул головой.) Прочитать я его хочу, брюхача негодного, наушника подлого... Я ему дам наушничать!

Павел бросился на стул.

– Что вы, что вы, Павел Андреич? Успокойтесь... Как вам не стыдно? Вы не забудьте, про кого вы говорите, Павел Андреич! – залепетал кассир.

– Про кого? А мне что за дело, что его в главные конторщики пожаловали! Вот, нечего сказать, нашли кого пожаловать! Вот уж точно, можно сказать, пустили козла в огород!

– Полноте, полноте, Павел Андреич, полноте! Бросьте это... что за пустяки такие?

– Ну, Лиса Патрикевна, пошла хвостом вилять!.. Я его дождусь, – с сердцем проговорил Павел и ударил рукой по столу. – А, да вот он и жалуется, – прибавил он, взглянув в окошко, – легок на помине. Милости просим! (Он встал.)

Контора. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Николай Еремеев вошел в контору. Лицо его сияло удовольствием, но при виде Павла он несколько смутился.

– Здравствуйте, Николай Еремеич, – значительно проговорил Павел, медленно подвигаясь к нему навстречу, – здравствуйте.

Главный конторщик не отвечал ничего. В дверях показалось лицо купца.

– Что ж вы мне не изволите отвечать? – продолжал Павел. – Впрочем, нет... нет, – прибавил он, – этак не дело; криком да бранью ничего не возьмешь. Нет, вы мне лучше доброй скажите, Николай Еремеич, за что вы меня преследуете? за что вы меня погубить хотите? Ну, говорите же, говорите.

– Здесь не место с вами объясняться, – не без волнения возразил главный конторщик, – да и не время. Только я, признаюсь, одному удивляюсь: с чего вы взяли, что я вас погубить желаю или преследую? Да и как наконец могу я вас преследовать? Вы не у меня в конторе состоите.

– Еще бы, – отвечал Павел, – этого бы только недоставало. Но зачем же вы притворяетесь, Николай Еремеич?.. Ведь вы меня понимаете.

– Нет, не понимаю.

– Нет, понимаете.

– Нет, ей-Богу, не понимаю.

– Еще божитесь! Да уж коли на то пошло, скажите: ну, не боитесь вы Бога! Ну, за что вы бедной девке жить не даете? Что вам надобно от нее?

– Вы о ком говорите, Павел Андреич? – с притворным изумлением спросил толстяк.

– Эка! не знает небось? я об Татьяне говорю. Побойтесь Бога, – за что мстите? Стыдитесь: вы человек женатый, дети у вас с меня уже ростом, а я не что другое... я жениться хочу: я по чести поступаю.

– Чем же я тут виноват, Павел Андреич? Барыня вам жениться не позволяет: ее господская воля! Я-то тут что?

– Вы что? А вы с этой старой ведьмой, с ключницей, не стакнулись небось? Небось не наушничаете, а? Скажите, не взводите на беззащитную девку всякую небылицу? Небось не по вашей милости ее из прачек в судомойки произвели! И бьют-то ее и в затрапезе держат не по вашей милости?.. Стыдитесь, стыдитесь, старый вы человек! Ведь вас паралич, того и гляди, разобьет... Богу отвечать придется.

– Ругайтесь, Павел Андреич, ругайтесь... Долго ли вам придется ругаться-то!

Павел вспыхнул.

– Что? грозить мне вздумал? – с сердцем заговорил он. – Ты думаешь, я тебя боюсь? Нет, брат, не на того наткнулся! Чего мне бояться?.. Я везде себе хлеб сыщу. Вот ты – другое дело! Тебе только здесь и жить, да наушничать, да воровать...

– Ведь вот как зазнался, – перебил его конторщик, который тоже начинал терять терпение, – фершел, просто фершел, лекаришка пустой; а послушай-ка его, – фу ты, какая важная особа!

– Да, фершел, а без этого фершела ваша милость теперь бы на кладбище гнила... И дернула же меня нелегкая его вылечить, – прибавил он сквозь зубы.

– Ты меня вылечил?.. Нет, ты меня отравить хотел; ты меня сабуром опоил, – подхватил конторщик.

– Что ж, коли на тебя, кроме сабура, ничего действовать не могло?

– Сабур врачебной управой запрещен, – продолжал Николай, – я еще на тебя пожалуюсь. Ты уморить меня хотел – вот что! Да Господь не попустил.

Контора. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– Полно вам, полно, господа... – начал было кассир.

– Отстань! – крикнул конторщик. – Он меня отравить хотел! Понимаешь ты эфто?

– Очень нужно мне... Слушай, Николай Еремеев, – заговорил Павел с отчаянием, – в последний раз тебя прошу... вынудил ты меня – невтерпеж мне становится. Оставь нас в покое, понимаешь? А то, ей-Богу, несдобровать кому-нибудь из нас, я тебе говорю.

Толстяк расходился.

– Я тебя не боюсь, – закричал он, – слышишь ли ты, молокосос! Я и с отцом твоим справился, я в ему рога сломил, – тебе пример, смотри!

– Не напоминай мне про отца, Николай Еремеев, не напоминай!

– Вона! ты что мне за уставщик?

– Говорят тебе, не напоминай!

– А тебе говорят, не забывайся... как бы ты там барыне, по-твоему, ни нужен, а коли из нас двух ей придется выбирать, – не удержишься ты, голубчик! Бунтовать никому не позволено, смотри! (Павел дрожал от бешенства.) А девке Татьяне поделом... Погоди, не то ей еще будет!

Павел кинулся вперед с поднятыми руками, и конторщик тяжело покатился на пол.

– В кандалы его, в кандалы, – застонал Николай Еремеев...

Конец этой сцены я не берусь описывать; я и так боюсь, не оскорбил ли я чувства читателя.

В тот же день я вернулся домой. Неделю спустя я узнал, что госпожа Лоснякова оставила и Павла и Николая у себя в услужении; а девушку Татьяну сослала; видно, не понадобилась.

1 в уменьшенном виде (франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!